

18+ Д. ЗАВРЕНЮК

ДНЕВНИК

Дмитрий Вавренюк

Дневник

«Издательские решения»

Вавренюк Д.

Дневник / Д. Вавренюк — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Дневник» Дмитрия Вавренюка — пронзительный роман в эстетике «новой искренности». Это история мужской дружбы от юности до конца жизненного пути героев. Автор доказывает: дружба — это тоже любовь, но более прочная и менее изменчивая. Филигранный баланс жесткой мужской прозы и сентиментальности, глубокий психологизм и яркий стиль создают мощный текст. Динамичный сюжет, крепкая интрига и кинематографичный монтаж с красивыми описаниями не отпускают до последней страницы. Книга содержит нецензурную брань.

© Вавренюк Д.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	32
Глава 14	35
Глава 15	37
Глава 16	38
Глава 17	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Дневник

Дмитрий Вавренюк

Данное произведение не является автобиографическим. Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями случайны.

Редактор Наталья Шевченко

Корректор Ольга Рыбина

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Дмитрий Вавренюк, 2026

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0071-2746-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

К сожалению, я смотрю на мир через потрескавшиеся линзы солнцезащитных очков. Их когда-то стильная роговая оправа перемотана чёрной изолентой. Иначе видеть я не могу.

Это повествование — наша последняя надежда доказать себе, что мы не окончательно спятили и потеряли связь с реальностью. Что, возможно, в этой вселенной существуют люди, способные разобраться в написанном и разделить вместе с нами пережитые эмоции.

Если таких безумцев всё же нет, остаётся одно — в конце концов оставить это бессмысленное царапанье по пожелтевшей от времени бумаге. Настал час признать, мои рукописи полны красно-фиолетовых... чернильных пятен, за которыми не разобрать написанного, да и почерк мой не отличается каллиграфией, — пережитые события могут найти отклик только в двух сердцах. И, пожалуй, это не так уж плохо. Как минимум сердец два.

Наступил момент сломать пополам наши школьные чернильные ручки и бросить во всепоглощающий огонь добрую сотню страниц хаотичных записей, надёжно спрятанных под пылью времени. Вот только не знаю, кому именно из нас двоих придётся совершить этот отчаянный поступок. Также не могу пока сказать, кому из нас доведётся заканчивать начатую ниже историю. Писать приступали мы оба, потом я много работал один.

Во избежание недоразумения нужно обязательно сказать, что сюжет, изложенный ниже, может в любой момент прерваться по не зависящим от нас... техническим причинам. Но в одном мы можем вас заверить: если этот роман всё же увидит свет, его допишу либо я сам, либо самый близкий мне человек. Но я продолжаю надеяться, что мы всё-таки, как в старые добрые времена, засядем за работу и завершим эту книгу вместе.

Глава 1

Родился я в восьмидесятых в небольшом западноукраинском городке рядом с польской границей. Скажу сразу, что моё второе рождение как человека и гражданина произошло позже и уже совсем в другой стране, но это событие заслуживает отдельного повествования. Дома мы говорили на русском языке, соответственно, и в школу меня отдали тоже в русскую. Находилась она далеко, но другого варианта не было — это была единственная русская школа в городе. На этом уникальность нашего учебного заведения заканчивалась: здесь работали обычные учителя, многим из которых не помешало бы как минимум пройти психиатрическое обследование. Именно такая мысль меня посещает, когда я вспоминаю свои школьные годы.

Учительница украинского языка была не злой, а иногда даже очень смешной. Она объясняла, что наше общество остро нуждается в рабочих руках. В связи с чем существует некая тайная государственная программа увеличения числа интеллектуально невыдающихся детей, способных пополнить ряды рабочего класса. Согласно этой программе, акушеры в советских роддомах специально бьют новорождённых по голове резиновыми молоточками. Детишкам, которым по счастливой случайности удалось избежать «удара судьбы», она пророчила высшее образование и светлое будущее. Лично меня, когда я не очень активно вёл себя на уроках, она сразу записывала в стройные ряды шахтёров (городок был шахтёрский). Свою гипотезу она повторяла практически на каждом занятии, хорошо хоть украинский у нас был всего два раза в неделю. Бывали уроки, на которых я неплохо работал, — в такие моменты она начинала искренне сомневаться, получил ли я в роддоме черепно-мозговую травму, или мне всё-таки посчастливилось избежать участи большинства.

А вот у преподавательницы русского и литературы никаких сомнений по моему поводу не было. Она была уверена, что русский язык — это не для меня, ведь я не способен даже просто текст грамотно переписать, не говоря уже о диктантах. Единственное, для чего я годился (не сомневаюсь, что именно так она и думала), так это для её издёвок и насмешек. При каждой возможности она зло подшучивала надо мной перед всем классом. И чем больше дети смеялись, тем розовее становились её щёчки на восковом лице. Тучное тело подёргивалось от смеха и удовольствия, в рыбьих глазах появлялся блеск удовлетворения.

Каждый её урок оказывался стрессом для меня и тренингом самоутверждения для стендап-комика-учительницы. Я заранее внутренне группировался, морально подготавливая себя к отражению любых её нападок. Ведь никогда не знаешь, что сегодня ей не понравится во мне: то ярко-оранжевый цвет моего свитера агрессивен для её глаз, то на голове у меня чёрт знает что.

— Причёска а-ля Иван-дурак! Постричься тебе не помешало бы.

Иногда, боясь расплакаться на глазах у всех, я отпрашивался в уборную, с отвращением смотрел на себя в мутное зеркало и всеми силами старался взять себя в руки и спрятаться за маской безразличия.

— Садись, шапка Мономаха! И где ты её нашёл? Посмотрите-ка на этот так называемый головной убор. Какой ужас!

Класс взрывался от безумного смеха.

— Шапка Мономаха, шапка Мономаха!

В такие моменты мне хотелось убежать куда-нибудь далеко-далеко. Горло сдавливала обида с примесью стыда. Мне казалось, она делает всё для того, чтобы я не выдержал и разрыдался на глазах у всего класса. Трудно сказать, чем бы закончилась эта история, если бы не поддержка моего нового товарища.

Я обязательно ещё вернусь к этому человеку, но чуть позже, а сейчас лишь скажу, что учились мы в одной школе и он был на год старше меня. Во многом благодаря его помощи ребята так и не увидели моих слёз.

Пока учительница веселила класс, используя меня как главного персонажа своих шоу, я думал только о том, как после уроков увижу товарища и расскажу ему, чем на этот раз она пыталась меня задеть. Я сидел и представлял возмущённое лицо друга, твёрдый взгляд его глаз цвета безоблачного неба, предугадывая, как он прокомментирует мой рассказ. Константин (так его звали) сказал, что я далеко не единственный человек в школе, к которому преподавательница применяет свою «авторскую методику» обучения. Этот факт придавал мне сил. Со временем, не без помощи Кости, я научился парировать её остроты, вызывая бурную реакцию класса своими ответами.

К большому сожалению для меня, моей учительнице всё-таки удалось привить мне отвращение к урокам русского языка. Любое упоминание о диктанте вызывало, да и сейчас, если честно, вызывает у меня панику. Когда приходилось писать под диктовку, от страха я пропускал целые слова, сомневался в правописании практически каждой буквы, забывал ставить запятые, точки. А она смаковала каждую ошибку, выставляя мои ляпы напоказ и всё сильнее убеждая меня в том, что я просто не способен грамотно писать. Временами я сомневался в правильности написания собственной фамилии.

Мне так и не удалось избавиться от полученных «знаний». Даже сейчас, когда в моей руке оказывается ручка, меня зачастую одолевает страх: я допускаю непростительные ляпы, и кажется, что вот-вот раздастся забытый смех.

Математичка-истеричка, как называл её мой одноклассник Боря, была уже немолодой. Ей очень хотелось научить всех детей без исключения математике, но сделать это, когда у тебя в классе тридцать человек, — задача не из лёгких. Вот поэтому иногда от безысходности она могла запустить в нас мелом или ни с того ни с сего начать петь. «В лесу родилась ёлочка» была её любимой песней. Она часто разговаривала с доской. Дети побаивались её, ведь по совместительству она была ещё и старшим завучем.

Мне кажется, эту бедную женщину раздирала какая-то внутренняя боль. У неё не было детей, поговаривали о несчастной любви, пережитой в молодости. Но, несмотря на её временами эксцентричное поведение, мы всегда с уважением относились к ней, не позволяли себе грубить. Думаю, она была неплохим человеком.

Преподаватель труда имел привычку отправлять детей в магазин за молоком, на уроках физики мы часто говорили о насекомых, а вот учительница музыки открыла мне путь из провинциальной серости в удивительный мир музыки, познакомив меня с творчеством Вивальди и Чайковского.

А ещё в школе старшеклассники показали мне, как курить. Я сразу же поделился своими знаниями с соседом Сашкой Горбуновым, которого все знали как Горбатого. Когда о моём новом увлечении узнала мать, она, как ни странно, даже голоса не повысила, зато, выбрав из длинного списка несколько распространённых среди курильщиков заболеваний, вкратце, но очень красочно их описала. Мама впервые в жизни обратилась ко мне не как к ребёнку, а как ко взрослому парню:

— Дима, дай слово, что с этого момента и до своего восемнадцатилетия ты не возьмёшь в рот сигарету.

— Я даю тебе слово, ма.

— Поклянись.

— Клянусь.

От табака я отказался. Сашка тайно продолжал покуривать, и меня долго не покидало чувство вины перед ним.

Должен признаться, меня не посещает ностальгия по школьным временам. Скажу честно, школу я не любил. Я отчётливо помню момент, когда на уроке русского языка в шестом классе меня накрыло волной скуки, смешанной с отвращением. Я сидел и смотрел в окно на начинающие желтеть листья. Солнце приятно ласкало моё лицо, голубое небо казалось идеально чистым, особенно когда я сравнивал его с лежавшей на парте тетрадкой, в которой приходилось периодически что-то писать. Вместо того чтобы слушать её агрессивный голос, напоминающий скрипку в неумелых руках, очень хотелось пойти на улицу собирать каштаны. Я искренне не понимал, зачем стараться удовлетворять требования всех этих учителей, ненавидящих детей и свою работу.

— Нет, вы только поглядите на него, он сидит и небом любитесь! — внезапно раздался истерический крик учительницы. — Ты на доску лучше смотри, мечтатель необразованный!

Да, подумал я, единственное, что у них отлично получается делать, так это с каждым днём вызывать во мне всё больше отторжения от учёбы своей диктаторской системой. Если бы я проводил дома за книгами время, которое трачу здесь, наверняка больше было бы толку для моего интеллектуального развития. Тем более я ведь уже научился считать, неплохо решаю всякие математические задачки, кое-как пишу, а главное, прекрасно читаю. Книг в нашей маленькой квартире мне наверняка хватит до конца школы, к тому же мама регулярно пополняет запасы новыми экземплярами.

Читать я начал относительно рано, поэтому мне всегда казалось, что именно книги, а не люди служили для меня основным источником знаний и развития.

С этого дня я использовал любую возможность не ходить на занятия. Дошло до того, что однажды я даже согласился пойти со своим другом Юрием за компанию в стоматологию, где ему должны были удалить зуб. Было видно, что он изрядно волнуется. Я тут же вспомнил, что и меня время от времени беспокоит зубная боль. Сказав себе, что из двух зол выбирают меньшее, я отправился убеждать классную руководительницу, что, хотя у меня и нет записки от родителей, мне срочно нужно к стоматологу.

Глава 2

Я всё-таки принял решение удалить зуб, который, как утверждал стоявший передо мной в лёгком замешательстве врач, ещё можно спасти. Немолодой хирург вяло сопротивлялся, отказываясь удовлетворять мою просьбу. Пришлось проявить настойчивость и рассказать, что с этим зубом я уже несколько раз обращался к стоматологу, мне дважды ставили пломбу, но боль почему-то продолжает беспокоить меня. Да и вообще, родители настаивают, чтобы зуб всё-таки удалили, — используя свой последний аргумент, соврал я.

— Я больше не хочу его лечить, хочу просто вырвать. Тем более что видно ведь абсолютно не будет, что его там нет, он ведь сзади находится.

Микроскопическая капля крови на белоснежном рукаве доктора на мгновение приковала мой взгляд. Я почувствовал, что начинаю сомневаться. Пытаясь подбодрить самого себя, подумал, что если я всё-таки удалю этот чёртов зуб, то и завтра, сославшись на плохое самочувствие, смогу пропустить занятия и остаться дома.

К сожалению, мои аргументы сработали.

— Ну хорошо, но будет больно, готов терпеть?

— Да, готов. Все молочные зубы я рвал сам! — с гордостью заявил я.

Через несколько минут я понял, что совершил огромную глупость. Вырвать молочный зуб — это просто комариный укус по сравнению с тем, что приходилось испытывать, сидя сейчас в стоматологическом кресле.

Это был первый и последний раз, когда я сознательно причинил ущерб своему здоровью. Впоследствии мне пришлось дорого заплатить за то, чтобы исправить свою ошибку.

Юрий был первым настоящим другом на моём жизненном пути. Жили мы в одном доме, вместе гуляли во дворе, вместе пошли в садик, в одну группу, а затем и в школу, правда, там мы оказались в разных классах. Мальчишки во дворе нас не очень любили, а если говорить честно — просто не хотели с нами дружить. Юра с малых лет не позволял никому себя унижать. В то время его правая рука практически не работала — родовая травма. И ему часто доводилось слышать издевательские шутки и оскорбления в свой адрес. В такие моменты я видел, как он сдерживает слёзы, стараясь не заплакать. Затем к нему приходила ярость, которую он уже не пытался контролировать, отвечая на травлю кулаком. Когда ему нужна была помощь, я дрался вместе с ним. Бывало, нам хорошенько доставалось.

Несмотря на проблему с рукой, Юрий был рослым и физически сильным мальчиком. Ребята во дворе, а потом и в школе быстро поняли, что его не стоит задирать. Он никогда не жаловался на свою жизнь, но я всё же чувствовал, как он страдает. Мне очень хотелось ему хоть чем-то помочь.

Став старше, я всё пытался понять истинную причину, побудившую меня тогда отправиться с ним в стоматологию и сознательно причинить вред собственному здоровью. Было ли это простым желанием сбежать с уроков? Элементарной мальчишеской глупостью? Сейчас я знаю точно, что это была никакая не глупость. Мной руководила наивная попытка ребёнка разделить внутреннюю боль своего друга. И кажется, в тот день мне это удалось сделать.

Мы возвращались домой — каждый оставил по зубу в стоматологии. Говорить было больно, улыбаться тоже, но, несмотря на болезненные ощущения, нам с трудом удавалось сдерживать смех.

— Ты боялся, Юр?

— Нет.

— Странно. — Я попытался сделать серьёзное лицо. — Пока ты был в кабинете у врача, а я смиренно ждал свою очередь, кто-то то и дело громко стонал и плакал. Это случайно не ты был?

— Что?! Да конечно! Ты о себе лучше расскажи: страшно было?

— Наверняка меньше, чем тебе, ты ведь первый пошёл. — Я попытался улыбнуться. — Скажу честно, был момент, когда я думал, что этот садист мне челюсть вырвет: было больно и немного страшно. Но ты ведь выдержал, и я вот тоже.

Нам обоим не хотелось возвращаться домой, и, выбрав дорогу подлиннее, мы медленно побрели через парк. Это был один из тех редких дней, которому суждено было глубоко врезаться в мою память.

Стояла прекрасная солнечная погода, которая не часто случается в октябре, но парк был практически пуст. Люди, в отличие от нас, в это время были заняты делом — в школе или на работе. Мы шли по аллее, устланной разноцветной листвой, встречая редких прохожих, удивлённо поглядывающих на нас. То тут то там раздавался треск: это дворники жгли листву — в огне стреляли каштаны. Клубы дыма медленно поднимались над деревьями в разных точках парка. Запах жжёной листвы вперемишку с ароматом жареных каштанов приятно щекотал нам ноздри.

Мы ещё издали заметили пятючку с огромной кучей листьев и, не сговариваясь, понеслись к ней. Юрий добежал первым, отшвырнул свой портфель и закричал:

— На раз-два-три?!

— Да, давай!

Сбросив на ходу рюкзак, я взял друга за руку.

Раз, два, три!

Подпрыгнув, мы практически одновременно бухнулись навзничь в гору листьев. Мир замер, словно земное притяжение больше не действовало на нас. Мои лёгкие будто наполнились волшебным газом, чудилось, что мы медленно поднимаемся в небо — и вот уже парим среди облаков. Я лежал, молча уставившись вверх; казалось, стоит мне только пошевелиться, как всё волшебство пропадёт. Внезапно раздавшийся смех вернул меня на землю. Я приподнялся. На меня смотрели блестящие глаза друга, алые губы растянулись в широкой улыбке, в уголках которой ещё оставались следы запёкшейся крови. Он аккуратно вытер рот тыльной стороной ладони, затем поправил съехавшую на глаза шапку и мягким толчком заставил меня снова лечь. Громкий хохот вырвался из моей груди. Я ответил брошенной в него охапкой листьев.

Глава 3

С раннего детства я не слышал от матери ни единого хорошего слова о моём отце: если она и говорила о нём вообще, то исключительно ругала. Она даже не пыталась скрывать от меня свою ненависть к нему. Во многом благодаря маме у меня сложилось мнение, что нет хуже человека на этой планете, чем мой папа. До сих пор не могу понять, как мать, будучи детским психологом, могла так себя вести с собственным сыном.

Думаю, что злость, смешанная с обидой, ослепляла её — она не видела, что чем больше выставляет передо мной отца в негативном свете, рассказывая, какой это ужасный тип, тем сильнее становится моя нелюбовь к самому себе. К подростковому возрасту я успел скопить достаточно аргументов, чтобы возненавидеть ту часть себя, которая ассоциировалась у меня с моим папёнькой. Не помню точно, когда именно это началось, но я стал стыдиться всего, что хоть как-то связывало меня с ним. Я очень боялся, что могу, как говорила мама, стать таким же никчёмным человеком, как он. Иногда страх был настолько велик, что я не мог уснуть, ворочаясь до глубокой ночи, всё думая, как избежать отцовской судьбы и вырасти достойным человеком.

Чем старше я становился, тем чаще слышал от людей, которые знали моего папу, что я очень похож на него. В такие моменты я готов был сквозь землю провалиться: сердце начинало бешено колотиться, казалось, что вот-вот я услышу что-то чудовищное о нём. Я еле сдерживал себя, чтобы не прервать разговор выученными, как мантра, словами: хоть это и мой отец, но я не такой, как он, — я не такой! Но, как ни странно, никто, кроме матери, никогда ничего плохого не сказал мне о нём. Я сделал незамысловатый вывод, что люди просто не хотят меня расстраивать; от этих мыслей мне становилось ещё хуже. Я тщательно скрывал от окружающих свой страх, и, похоже, у меня это неплохо получалось, ведь в семье никто даже не пытался заговорить со мной о терзавших меня переживаниях. Мне казалось, вокруг нет никого, кто мог бы меня понять; о человеке, которому я мог бы доверить свой секрет и поделиться своими страхами, приходилось только мечтать.

Мои родители развелись, когда я был совсем маленький — бабушка говорила, я только-только начинал ходить. После развода отец уехал обратно в Москву и больше не возвращался. Поэтому, когда я думал о папе, я представлял его мальчиком лет двенадцати-тринадцати, с огромной копной кудрявых волос, большими глазами и открытым улыбающимся лицом. Таким я его видел на чёрно-белой фотографии, висевшей на стене детской в бабушкиной квартире. Надо отметить, что благодаря этой фотографии я имел хоть какое-то представление о том, как выглядит или, скорее, как выглядел мой папа.

До сих пор не знаю, что послужило причиной развода родителей. У меня, конечно, есть предположения, но теперь это уже не имеет никакого значения. К сожалению, у меня так и не получилось наладить нормальные отношения с отцом — забегая вперёд, скажу, что я всё-таки встретил его; был даже период, когда мы достаточно много времени проводили вместе, но это почему-то не помогло нам сродниться. Каждый раз, общаясь с ним, у меня создавалось впечатление, что кто-то простым хирургическим методом взял и удалил у меня какой-то важный орган, отвечающий за наше родство.

Чем больше мы проводили времени вместе, тем чаще я задумывался о том, что это несправедливо — любить мать и не испытывать даже намёка на это чувство к своему пусть непутёвому, но всё же родному отцу.

Думаю, моя неспособность полюбить его повлияла в конечном итоге и на моё отношение к матери. Так, сам того не осознавая, я всё больше отдалялся от неё, намеренно избегая частых встреч, пытаясь таким вот странным образом сбалансировать сложную систему семей-

ных отношений и хоть как-то защитить периодически возникающее у меня внутреннее перемие.

Глава 4

Все как по команде вылетели из класса. Я даже не пытался понять, о чём она говорит, стоял и делал вид, что со всем соглашаюсь, слушая, как музыку, приятный голос своей классной руководительницы. Время от времени кивал головой, опустив глаза на деревянный пол и думая, кто мог выбрать этот жуткий тёмно-коричневый цвет.

— Дима! Ты слышишь меня?!

— Простите, я задумался.

— Ещё раз тебя спрашиваю: почему тебя не было вчера на уроке русского языка?

— Я думал, вам передали. Мне было плохо — наверное, отравился в школьной столовой. Матери я, конечно, сказал, что ушёл раньше, — не дожидаясь следующего вопроса и не отрывая глаз от грязного пола, солгал я.

— Значит, так: конец года не за горами, поэтому ты уж постарайся больше не травиться! Иди.

— Спасибо, Валентина Валентиновна.

— За что? — Одна из её бровей вопросительно поднялась вверх, она пристально посмотрела на меня. — Язвишь?!

— Нет. За сегодняшний урок спасибо. Я много нового открыл для себя, теперь я знаю, что означает фраза «я тебе устрою Варфоломеевскую ночь». — Я слегка улыбнулся. — Правда, было очень интересно.

— Вот и расскажешь на следующем уроке, что послужило во Франции началом религиозных войн. Иди уже, такое ощущение, что мы с тобой одни остались в школе.

Плечом толкнув огромную деревянную дверь, я вышел на улицу, залитую солнцем, с завистью посмотрел на мальчика, куда-то мчавшегося по проезжей части на ярко-красном велосипеде.

На лавке недалеко от входа, опустив голову, одиноко сидел Юра. Обрадовавшись, я подбежал к нему:

— Ты что здесь делаешь? У тебя ведь на один урок меньше сегодня.

Он словно не замечал меня, продолжал рассматривать свою обувь. Я взял его за плечо и слегка встряхнул:

— Юр!

Он нехотя поднял голову — на меня смотрели красные от слёз глаза. Я никогда ещё не видел его таким. Он ничего не говорил, просто смотрел. Вдруг, словно от какого-то внутреннего давления, у него вспыхнули щёки и из глаз двумя тонкими ручейками потекли слёзы. Я стоял и не понимал, что мне делать.

— Юр, пойдём домой, не надо здесь сидеть. — Я взял его за локоть и помог подняться.

Мы неспешно шли, не говоря ни слова друг другу. Время от времени я украдкой поглядывал на него. Не зная причины его горя, я еле сдерживал себя, чтобы тоже не расплакаться. Внезапно мне стало невыносимо грустно, хотелось громко закричать, слёзы подступили к горлу, а он по-прежнему молчал.

Это был последний раз, когда мы вместе возвращались из школы домой. На подходе к дому мы увидели Юрину маму. Несмотря на тёплый весенний день, на ней был вязаный белоснежный свитер с высоким горлом, длинный плащ цвета кофе с молоком и огромные, на поллица, солнцезащитные очки. Она неспешно шла нам навстречу, слегка подхрамывая.

— Нас машина уже час как ждёт, ты где бродишь?

Юра резко остановился, повернувшись спиной к матери. Пряча от меня свои глаза, он заговорил чужим голосом:

— Вчера родители... — он замялся. — Опять поругались. Мать уходит от отца. Мы переезжаем, будем жить теперь в бабушкиной квартире.

С тех пор мы с ним иногда перекидывались словами, случайно встречаясь на переменах. Вскоре после переезда у него появились новые друзья и о нём заговорила вся школа. Поводов было немало: то его не совсем трезвого стошнило в кабинете у директора, то он, объевшись с друзьями каких-то таблеток, оказался в реанимации, то подрался — вернее, избил обозвавшего его инвалидом старшеклассника. А ещё спустя какое-то время о нём заговорили и в городе: его стали обходить стороной не только ровесники, но и ребята гораздо старше. Но несмотря на то, что мы очень редко общались, мы продолжали хранить тёплые чувства друг к другу, считая себя настоящими друзьями.

Глава 5

Мой одноклассник по кличке Голова Младший (он именно так просил себя называть: прозвище он унаследовал от старшего брата, которым, надо сказать, очень гордился; поэтому, когда мы его называли просто Головой, он не обижался), так вот, Голова Младший подошёл ко мне после уроков с предложением записаться в баскетбольную секцию. Я понимал, что он ищет человека, на чьём фоне сам будет выглядеть выигрышно, ведь он, насколько я знал, в отличие от меня, немного играл в баскетбол.

По словам ребят из нашего класса, уже не один месяц посещавших секцию, в группе, куда он собирался попасть, дебютантов не было и все парни достаточно неплохо играли. А Голова, следует отметить, не привык выступать в роли аутсайдера и трепетно относился к своей репутации альфа-самца. В школе поговаривали, что недавно он закрепил свой статус первым сексуальным опытом с рыжеволосой старшеклассницей с вечно бегающими, практически бесцветными, пустыми глазами, которую в городе называли Дикой. Вдобавок характером он обладал непростым, истерическим, как он сам говорил: «Я могу себе это позволить, ведь за мной мой старший».

Младший Голова был одержим двумя вещами — своей внешностью и своим половым органом. И при каждом удобном случае пытался либо продемонстрировать своё достоинство, либо обратить внимание окружающих на свою наружность. Особенно ему льстило, когда из-за копны светлых курчавых волос люди находили сходство между ним и поэтом Сергеем Есениным.

Его одержимость собой была настолько сильна, что иногда могла выйти за рамки дозволенного. Так, например, однажды на уроке украинского языка, пока учительница решала какие-то вопросы с коллегой в соседнем кабинете, он спровоцировал соседа по парте на громкий спор — сможет ли Голова показать всем свой член или нет. Всё случилось вмиг. Без каких-либо колебаний смельчак расстегнул брюки и гордо продемонстрировал своё достоинство присутствующим. В следующее мгновение в классе поднялся переполох. Все, кроме Кристины Зыриной и Женьки по прозвищу Мутант, увидев стоящего в центре класса со спущенными штанами Голову Младшего, начали либо отворачиваться, либо, ахая и охая, закрывать лицо руками.

Пока Голова с пенисом в руках громко кричал, призывая одноклассников взглянуть на него, Кристина, не стесняясь, во все глаза смаковала представление. После этого памятного урока она, уже не заставляя победителя спора долго её упрашивать, давала ему списывать по первому же требованию.

А вот Женька Мутант воспринял эту демонстрацию как личный вызов.

Женя был самым высоким в классе, ему с тринадцати лет без лишних вопросов начали продавать сигареты и спиртное в магазинах. Его услугами часто пользовались старшеклассники, отправляя за дешёвым вином и куревом. Мутант действительно выглядел старше. Ещё в седьмом классе начинающая учительница, пришедшая заменить заболевшую преподавательницу географии, увидев сидящего за последней партой небритого Женю, отказалась проводить урок.

— Мужчина, сейчас же покиньте помещение! Вы ведь взрослый человек, зачем издеваетесь надо мной! Я не буду проводить урок, пока вы не уйдёте отсюда! — Она в упор смотрела на него, а он от страха не мог промолвить ни слова. Молодой педагог восприняла это как провокацию и ещё больше разозлилась.

Мы все, придя ему на помощь, пытались объяснить ей, что Евгений наш ровесник — просто выглядит на тридцать. Она не поверила, думая, что мы её разыгрываем, и позвала директора.

Не знаю, кто именно был инициатором, но спустя какое-то время после описанного выше перформанса Женька Мутант и Голова Младший решили всё-таки выяснить, у кого из них двоих длиннее член.

Голова не признал поражения, поэтому ребята вынуждены были привлечь согласившихся стать третейскими судьями в этом споре Ваньку Дементьева и Мишу Ходырева. Судьи единогласно подтвердили победу Мутанта. Голова решительно не смирялся со своим фиаско и периодически возвращался к спору, критикуя неправильно проведённые замеры.

— Так что, ты зайдёшь за мной? В пятнадцать сорок пять у меня во дворе. — На меня с недовольным лицом смотрел Голова.

У него были волнистые белокурые волосы, большие, слегка оттопыренные уши, глубоко посаженные глаза светло-голубого цвета, крупный нос и маленький пухлый рот. Из-за сутулых плеч казалось, что мы с ним одного роста, в действительности же он был гораздо выше.

Мне очень хотелось ответить отказом, но ещё больше хотелось научиться играть в баскетбол. К тому же его вспыльчивый нрав мне был известен, так что я согласился зайти за ним, хотя для этого и требовалось сделать большой крюк.

Я пришёл минут на десять раньше, сел на лавку под деревом в центре двора и попытался перестать волноваться. Мысли всё возвращались к ребятам, которые ещё в начале года записались на баскетбол. Я видел, как здорово они обращаются с мячом на уроках физкультуры, мне же в кольцо и с двух метров попасть не всегда удавалось. Было страшно, что меня не примут.

Одноклассник опаздывал, меня это злило. Наконец, громко толкнув ногой дверь, он вышел из подъезда. Был он не один, а со своим знакомым на год старше нас. Подойдя ко мне, Голова Младший, рассеянно посмотрев куда-то вдаль, небрежно кивнул в мою сторону.

— Привет, — улыбаясь, парень, подошедший вместе с Головой, протянул мне руку. — Константин.

— Дмитрий.

— Классные кроссовки.

Он, не стесняясь, разглядывал мою обувь, но это не вызывало никакого раздражения, а, наоборот, было даже приятно.

— Обычные, спасибо. Вот у тебя очень крутые, это ведь Air Max?

— Да, очень старая модель! Родственники из Питера подогнали. Что, пойдёте на баскет? Я весь прошлый год отходил, а в этом никак не получается себя заставить. Не знаю почему.

— Думаю, меня навряд ли примут, — не стесняясь, я поделился своими опасениями. — Я, если честно, играть абсолютно не умею.

— Примут, можешь не сомневаться, а через месяц будешь играть не хуже других. Пойдём, я с вами схожу за компанию, всё равно делать нечего.

Я ещё не встречал человека, который вёл бы себя так же естественно. У Константина была уникальная способность с какой-то природной лёгкостью говорить абсолютно обо всём — неважно, шла ли речь о серьёзных вещах или о чём-то пустяковом, он был одинаково расслаблен. Мы шли, поглощённые разговором, не обращая никакого внимания на моего одноклассника. Казалось, это не я только что познакомился с Константином, а мой школьный приятель случайно оказался в нашей компании.

— Ты с Головой в одном доме живёшь?

— Да, только это моей бабушки дом. Я у неё частенько остаюсь, можно даже сказать, что живу, а к маме, когда у неё есть время, прихожу на выходные.

Рядом с Костей я забыл обо всех своих волнениях.

У меня было такое ощущение, что в лице этого парня я наконец нашёл недостающую часть самого себя, ту часть, которой мне так не хватало для того, чтобы чувствовать себя полноценным человеком.

Я, конечно, слышал о существовании любви с первого взгляда, но я и представить не мог до того, как встретил этого человека, что существует ещё такая вещь, как настоящая дружба с первого разговора.

Глава 6

Знакомство с Константином сильно изменило мою жизнь. Дни закружились в безумном ритме. Теперь меня редко можно было застать дома. Я активно занимался баскетболом, помимо этого Костя предложил записаться вместе с ним ещё и в секцию бокса. Я с удовольствием согласился. В результате три раза в неделю мы вместе ходили на бокс, а кроме того он иногда приходил к нам в зал побросать в кольцо мяч.

Дни, которые мы проводили порознь, казались какими-то неправильными, неполноценными. Не успел я оглянуться, как уже просто не мог обходиться без своего друга. Отныне мы встречались практически ежедневно. Если не получалось увидеться утром, мы навёрстывали упущенное вечером или среди дня, а на выходных или каникулах у нас всегда находилась тысяча причин, чтобы улизнуть из дома и отправиться куда-то вдвоём.

Парадокс заключался в том, что нам всегда было о чём поговорить, сколько бы времени ни прошло с нашей последней встречи — тридцать минут или несколько дней.

Мы настолько сблизились, что научились понимать друг друга с полуслова. Без всякого стеснения мы делились своими комплексами, безумными идеями, страхами, доверяя друг другу без остатка.

Так я узнал, что, когда Косте было три года, каким-то образом выяснилось, что его отец уже несколько лет живёт на две семьи и кроме сына у него есть ещё годовалая дочь. Мать, не раздумывая, подала на развод. И с тех пор мой друг не поддерживал никакой связи с папой.

Мы абсолютно не стеснялись учиться друг у друга, хотя сейчас мне кажется, что учился в основном я у него. Он был, несмотря на свой юный возраст, тончайшим психологом. Думаю, что, зная моё прошлое, он использовал любую возможность для того, чтобы поднять мою самооценку. У него это здорово получалось.

Было нетрудно заметить, как с момента нашего знакомства поменялось отношение окружающих ко мне. Одноклассники, ребята из секции бокса и парни, с которыми я играл в баскетбол, перестали донимать меня дурацкими выходками и высказываниями, которые они регулярно отпускали между собой.

Внутри меня при косвенном участии моего друга шла какая-то масштабная стройка с использованием сверхпрочных современных материалов. Я ощущал, как во мне формируется новый человек.

Он всегда знал, что сказать, когда мне нужна была поддержка, а в некоторых случаях мне от него и слов никаких не требовалось — достаточно было видеть его глаза.

Костя всегда очень серьёзно относился к тому, что я говорил, и спокойно выслушивал мои подчас эмоциональные аргументы, когда я был с ним в чём-то не согласен. Если мы спорили по каким-то вопросам, что случалось нечасто, и я в конце концов менял своё мнение, соглашаясь с другом, я никогда не чувствовал, что моё самолюбие задето. Для меня было очевидно, что цель любых наших споров одна — наше общее благо.

Таким Константин был со мной, но, как у любого человека, у него было множество лиц. С разными людьми он вёл себя соответственно по-разному. Мог быть чёрствым, временами заносчивым не только с ребятами, которые не вызывали у него симпатии, но и со своими товарищами.

На людей, которые не были с ним близко знакомы, он зачастую производил впечатление надменного юноши из зажиточной семьи. Многие видели в нём денди, ведущего беззаботный образ жизни, но никто никогда не видел в нём человека, к которому можно было подойти и запросто похлопать по плечу.

Глава 7

Меня разбудила выпавшая из моих рук книга. Через секунду зазвонил телефон. Дома никого не было, поэтому пришлось быстро встать и практически побежать на кухню к стоящему на микроволновой печи ярко-красному кнопочному телефону.

— Привет, — в трубке раздался громкий смех. — Дим, ты что, спал?

— Читал и уснул.

— Смотрю, ничего не меняется: этот, не побоюсь сказать, шедевр по-прежнему вызывает у тебя сонливость, — уже серьёзно добавил Константин.

— Да, кто бы мог подумать, что «Братья Карамазовы» окажутся моим снотворным, несмотря на тот безумный карнавал, который происходит в этом семействе. У меня, наверное, просто голова забита всякой ерундой, поэтому так тяжело даётся эта вещь. Приходится по несколько раз перечитывать каждую страницу, чтобы не упустить суть, — попробуй тут не уснуть.

— Постарайся не думать, как ты говоришь, о всякой ерунде, по крайней мере когда ты читаешь. Я прочёл, значит, и ты должен, и не забывай, что следующую книгу твоя очередь выбирать. Когда закончишь Достоевского, обязательно компенсируешь все свои мучения какой-нибудь остросюжетной вещицей, типа романа Джеки Коллинз «Жеребец», например. Помнишь, как мы наткнулись на этот томик в книжном? — Он еле сдерживал смех. — Ты только «Братьев» закончи, пожалуйста, побыстрей!

— Стараюсь, мне на самом деле немного осталось. «Жеребца», может, есть смысл Голове подарить? — Я улыбнулся, представив эту картину.

— Если он когда-нибудь и начнёт читать, то явно что-то в этом духе. Дим, «Братья Карамазовы» — очень крутая вещь, тебе понравится, надо просто дочитать, а потом спокойно переварить прочитанное. Не сомневаюсь, что тебя зацепит не меньше моего.

— Ок. В ближайшее время добыю, вот увидишь.

— Да, ты уж постарайся, я ведь после «Карамазовых» так ничего и не читал. Жду тебя и твою литературную селекцию, очень надеюсь, что ты мне доставишь удовольствие.

— Ну, после Достоевского небольшой перерыв тебе пойдёт только на пользу.

— У тебя время есть? Мне надо купить кое-что, пойдёшь со мной?

— Конечно, я ведь ждал звонка от тебя.

Уже долгое время мы читали одни и те же книги. Вместе заранее договаривались, когда приступаем к чтению. Тот, кто осиливал произведение первым, ждал, пока закончит товарищ, чтобы снова начать что-то новое в один и тот же день.

Книги выбирали поочерёдно. Выбор первого произведения достался Константину. Он не задумываясь объявил, что читать мы будем «Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей» Дейла Карнеги.

Одна книга была у него дома, а вот второй экземпляр нам пришлось одолжить у маминой коллеги, имевшей огромную библиотеку, где можно было найти любую литературу.

Читая в основном по вечерам, мы буквально проглотили эту вещь практически одновременно. Константин всего на день опередил меня. Карнеги помог нам иначе взглянуть на многие вещи.

Помню, как позвонил ему в воскресенье утром и объявил, что дочитал. Не откладывая, решили встретиться в парке. Стоял прекрасный весенний день. Мы долго делились впечатлениями, сидя на скамейке, у Кости от возбуждения блестели глаза, он не мог усидеть на одном месте, вставал, садился, принимался ходить вокруг скамьи. В конце встречи он пристально посмотрел на меня, я почувствовал, что он собирается сказать что-то важное.

— Димон, нам больше надо читать разной литературы, уверен, что это нам здорово пригодится в жизни. Надо интеллектуально развиваться. Физически, кстати, тоже. Наступает момент, когда мы должны задуматься о своём будущем.

— Так это ты на прошлую тренировку забил, и в баскетбол всё реже играешь.

— Да, ты абсолютно прав! Обстоятельства, ты ведь знаешь, но не об этом речь. — Он серьёзно смотрел на меня. — Ты понимаешь, что скоро нам придётся уехать из нашей дыры? Если мы останемся здесь жить, то либо окажемся за решёткой, либо превратимся в маргиналов. — Он поднялся со скамейки, неожиданно став совсем взрослым. — Пойдём, мне пора, матери пообещал быть к обеду.

После этого разговора мне почему-то стало очень тоскливо. Я возвращался домой с ощущением, что сегодня нас безвозвратно покинуло детство.

В ту ночь я практически не сомкнул глаз. Пробовал читать, но ничего не получалось.

Нашим вторым общим прочитанным произведением, по совету моей матери, стал роман Эриха Марии Ремарка «Три товарища». Костя, как только перевернул последнюю страницу, позвонил мне — я был уже в постели.

— Димон, извинись, пожалуйста, перед своей мамой за поздний звонок. — Его голос звучал непривычно официально.

— Костян, ты на меня за что-то злишься?

— Да, за твой выбор! Больше так не поступай. Тебе ещё много осталось?

— Чуть меньше половины, а что?

— Да ничего! Пожалуйста, быстрее дочитывай! Мне очень надо с тобой поговорить об этой истории. Мой тебе совет — на ночь лучше не читай! Good night. — Он бросил трубку, не дождавшись моего ответа.

Я же, конечно, не послушался друга, о чём потом сильно пожалел.

Прошёл не один месяц после этого ночного звонка. Мы сидели как-то с мамой вечером на кухне и болтали.

— Возвращаюсь я сегодня с работы, Костик идёт мне навстречу, на себя не похож, грустный какой-то, поздоровался, а потом говорит: «Спасибо вам за книгу». Я не поняла, спрашиваю: «За какую ещё книгу?» — «За книгу, которую вы посоветовали». Ответил, быстро попрощался и ушёл. А я всё тщетно пыталась вспомнить, что я там вам насоветовала.

Глава 8

Костя стоял напротив почты и без особого интереса, думая о чём-то своём, смотрел на проходящих мимо людей. На нём были белые кроссовки, голубые джинсы Levi's и просторная рубашка навыпуск в тёмно-бордовую клетку. Его облик, как обычно, контрастировал с внешним видом окружающих. Он всегда выглядел одновременно просто и не по-провинциально модно — никогда не позволял себе, в отличие от основной массы нашего городка, надеть яркие подделки известных марок с кричащими надписями.

— Опаздываешь, Димон! — На его лице появилась улыбка.

— Нет, это ты раньше пришёл.

— Пойдём. Вчера у Шефа, — он так называл своего отчима, — было хорошее настроение. Представляешь, дал мне двести долларов на одежду, хоть я и не просил. Ты ведь знаешь, какой он, всё жалуется, что всё дорого, а тут сам предложил. Не знаю, что с ним стряслось, но он впервые спросил меня за ужином, чем бы я хотел в будущем заниматься. Сделал вид, что ему интересно услышать мой ответ. Наверняка он какую-то крупную махинацию провернул, я только так могу объяснить это внезапное проявление внимания и щедрости.

Отчим моего друга больше смахивал на научного сотрудника, чем на тайного воротилу. Шеф был нелюдим, носил большие очки с толстыми тёмными линзами, затёртые классические костюмы и широкие галстуки. И уже много лет работал директором одного из государственных предприятий в нашем городе.

— Смотри. — Константин осторожно показал мне две стодолларовые банкноты. — А это мои собственные накопления. — Он с гордостью продемонстрировал ещё две купюры по пятьдесят долларов. — Итого триста зелёных. — Он хлопнул меня по плечу и спрятал деньги обратно в карман.

Мой шаг непроизвольно замедлился.

— Зачем тебе столько денег?

— Я ведь тебе говорил, что джинсы хочу купить, чёрные, ну и ещё кое-что из одежды. Не останавливайся, пойдём, я тебя с людьми познакомлю. Они каким-то образом небольшими партиями получают фирменные вещи из Штатов и Канады. Не знаю, как они всё это организовали, но вещи предлагают очень классные. Продают только среди своих знакомых. Мать у них вечно что-то покупает для себя.

— Но ведь это очень много денег, правда?

— Всё очень относительно! Ты слышал — Боря, племянник начальника милиции... ну, этого усатого жирного мусора... Ты понял, о ком я?

— Да, понял.

— Говорят, он со своей компанией друзей-дегенератов за два дня больше тысячи долларов потратил.

— Жесть! На что, интересно? И главное, где он их взял?

— Сейчас я тебе всё расскажу. Борька два дня разъезжал на такси со своей братвой — рестораны, дом отдыха, чёрт знает куда там ещё они ездили. Много проиграл на игровых автоматах. А перед этим он купил несколько стаканов плана, пару пачек папирос и ходил всех угощал. Мне тоже предлагал. С таким подходом, согласись, можно и больше потратить, даже и в нашей деревне. Думаю, что у него есть доступ к дядиной казне, вот он и подтаскивает понемногу. Решает семейную проблему избыточного заработка. Понимаешь теперь, откуда деньги?

— Значит, он их просто-напросто ворует?

— Да! Говорят, у стража порядка столько денег, что он не знает, что с ними делать. Под ним весь город. Ему все платят — коммерсанты, преступники, даже директора государственных шахт и фабрик. У них ведь у всех рыльце в пуху... Боря очень хочет дружить со мной.

Наверняка из этих отношений можно будет извлечь какую-то пользу. — Константин задумался. — Надо прикинуть.

— Ты осторожно с Борисом. Все знают, что у его дяди руки по локоть в крови. Он реальный псих. Кто-то рассказывал, он недавно в бильярдной разозлился и кий сломал об официанта — тот забыл принести его заказ или принёс, но с опозданием.

— Да это я тебе рассказал про этот случай, совсем память потерял! К чёрту этого мусора-колхозника. Мне понятно одно — в нашем болоте у нас два выбора: идти на шахту и по полгода ждать зарплату и пить либо пора нам задумываться, как начать зарабатывать на нормальную жизнь. Что скажешь?

— Я за. Ты ведь знаешь моё положение: мне не на кого рассчитывать, кроме себя. Мой подход прост: можно заниматься чем угодно, главное — с головой. Не хочется нажать себе менингит...

Мы тем временем подошли к обшарпанной хрущёвке, поднялись на первый этаж и позволили в деревянную дверь, покрытую глянцевым, ещё свежим лаком. Нам открыл поджарый мужчина с приятным лицом лет сорока — сорока пяти.

— Здорово, Константин!

— Это мой друг Дмитрий. Я с твоей женой говорил по телефону.

— Да-да, она передала: тебе нужны чёрные Levi's и кроссовки.

— Да, всё верно, только кроссовки — это мой друг хочет купить.

Я открыл было рот, чтобы возразить, но, увидев красноречивый протест в глазах друга, промолчал.

— У Дмитрия какой размер?

Костя будто шутя больно сжал моё плечо.

— Как у меня — сорок третий.

— Сорок третьего размера у нас есть неплохие «найки» и крутой New Balance.

— Мы посмотрим и те и другие, — отчеканил Константин.

— Хорошо, сейчас принесу.

Я попытался возразить, но Константин тут же зашептал мне в ухо:

— Делай то, что я тебе говорю, так надо. Заплатить за кроссовки должен ты.

Он резким движением сунул в передний карман моих джинсов столларовую купюру.

— Пожалуйста... Дим. — Он улыбнулся, смягчив взгляд.

Мужчина принёс две коробки с обувью, поверх которых лежали штаны с яркой этикеткой.

— Мерить джинсы будешь?

— Нет, это мой размер. Дим, хоть я и фанат Nike, но эта модель New Balance очень крутая.

— Ты прав, Константин! Поэтому они на двадцать баксов и дороже.

— Короче, ты, Димон, «найки» лучше не бери, а то будем практически в одинаковых ходить.

Я вышел на улицу с ярко-синей коробкой в руках. Голова кружилась.

Это были мои первые фирменные кроссовки.

Глава 9

Мы всё чаще стали заходить в так называемый компьютерный клуб «Атари». Клуб находился в самом центре города с тыльной стороны Дома культуры. Здесь можно было поиграть на приставке, купить кислотного цвета газировку, взять напрокат видеокассету и даже выкурить косяк, при условии, конечно, если вы были знакомы с нужными посетителями этого заведения. Открывшись, это место практически сразу снискало неоднозначную репутацию среди масс. Тут появились первые в городе игровые автоматы. «Атари», как магнит, притягивал отчаянных авантюристов всех возрастов из различных социальных прослоек. Вдохновлённые идеей быстрой наживы, они не жалели средств в погоне за грезившимся им выигрышем.

Это место стало напоминать сериал в жанре «триллер».

Здесь регулярно происходили невероятные события, как правило с драматическим концом. Те, кто вот-вот готовился сорвать большой куш, неожиданно проигрывали автомобили и квартиры, после чего начинали мечтать о том, чтобы по крайней мере вернуть потраченное. Бегали по всему городу, словно безголовые курицы, занимая там-сям крохи, чтобы опять попытаться своё счастье и хоть частично компенсировать потерянное добро. Бывали случаи, когда приехавшие в отпуск работяги за один день спускали то, что копили годами, во всём себе отказывая, тяжело работая за границей.

Поэтому новость вроде той, что один из менеджеров клуба, пятидесятилетний Коля Конь (голова у него уж больно напоминала шахматную фигуру), задержавшись на работе до глубокой ночи, проиграл двухмесячную зарплату, безрезультатно пытая счастье, уже не вызвала у завсегдатаев клуба большого удивления.

Это место обнажало в посетителях такие качества личности, о существовании которых они даже не подозревали.

Так произошло и с нашим новым товарищем.

Любомиру тогда было около двадцати, он всем казался серьёзным и ответственным молодым человеком. И за недолгое наше знакомство не раз вёл себя очень смело в разных ситуациях. Но однажды по поручению своей матери он пошёл оплачивать диван и два кресла. Завернул по дороге в «Атари» поздороваться с ребятами — и подчистую проиграл на автоматах деньги, предназначенные для покупки мебели. Спустя некоторое время он в точности повторил историю, правда на этот раз спущенные деньги предназначались на новый телевизор. После этого Любчик тщетно пытался обелить свою репутацию в глазах родных и близких.

Мы появлялись здесь не из-за игровых автоматов или компьютерных игр, все эти развлечения абсолютно не прельщали ни меня, ни моего друга. Константин периодически брал напрокат что-нибудь посмотреть, я же, составляя ему компанию, принимал участие в выборе фильмов. Обычно это случалось, когда он шёл ночевать к своей маме. Шеф очень любил посмотреть перед сном какой-нибудь боевичок в компании своего воспитанника.

Друг объяснил мне тонкости выбора «качественного кино». По мнению Шефа, ценность продукта определяло название. Чем пафосней оно звучало, тем сильнее он потирал руки, готовясь к вечернему просмотру. И мы выискивали в бесконечных списках контрафакта незамысловатые заголовки блокбастеров.

«Атари» принадлежал Костиному дяде, поэтому моего друга не мучила совесть за потраченные деньги на искусство такого уровня — за прокат кассет он ничего не платил. Каждый раз, беря что-то посмотреть, он предлагал и мне воспользоваться этой привилегией. Я, как правило, отказывался, за исключением тех редких случаев, когда он настаивал, говоря, что я обязательно должен посмотреть тот или иной фильм.

Менеджеры, работающие здесь, всегда по-особенному относились к Константину, и это не ускользало от внимания завсегдатаев клуба.

Как-то раз, забежав за фильмом, мы познакомились с двумя парнями.

Сначала разговор завязался со стоящим у входа молодым человеком с короткими рыжими волосами и лицом, усыпанным веснушками. Он был чуть старше нас и выглядел очень круто. Тонкие губы говорили о волевом характере. На нём были модные высокие кроссовки Reebok, тёмные широкие спортивные брюки и чёрная просторная толстовка.

— Выдал что-нибудь автомат или спустили всё так же, как и я?

— Да мы в прокат заходили, автоматы нас не вставляют, — не растерявшись, ответил Константин.

— Хорошо, что не вставляют, слишком дорогое удовольствие. Вы братья?

— Нет, друзья, — коротко ответил за нас двоих мой товарищ.

— Выглядите как братья, значит, хорошие друзья, — заключил незнакомец. — Меня Юра зовут, можно просто Рыжий.

— Юр, давай курнём уже да будем двигаться дальше, — обратился к Рыжему стоявший чуть в стороне высокий, слегка сутулый парень в тёмно-синей рубашке навыпуск и голубых джинсах. — Пацаны, вы тоже присоединяйтесь.

Не дожидаясь ответа, он направился к пустовавшей чуть поодаль скамейке. Он шёл, засунув руки в карманы джинсов, походкой расслабленной и в то же время уверенной.

Юра серьёзно глянул на нас, потом вслед уходящему товарищу; было видно, как он о чём-то интенсивно думает. Наконец, напряжённое выражение на его лице исчезло, и он бросил нам:

— Пойдём, пацаны.

Мы подошли к укывшейся в тени каштанов свежеекрашенной скамейке, от неё всё ещё исходил сильный запах.

— Меня Альберт зовут. — Он протянул мне руку, она оказалась очень холодной.

Мы назвали свои имена.

Рыжий аккуратно достал из внутреннего кармана косяк и протянул своему товарищу:

— Взорвёшь, Алик?

Было невозможно представить, что у меня во рту сейчас окажется папироса. И дело даже не в том, что вместо табака она была начинена травой. Мне казалось, что если я закурю, то опять пристращусь к сигаретам. А я пообещал себе на восемнадцатилетие, что никотиновой зависимости не будет.

С другой стороны, речь шла об этой ерунде, а не о табаке. Мы с Константином давно обсуждали этот не самый разумный эксперимент, но, к счастью, дальше разговоров эта тема не заходила.

Было видно по реакции моего друга, что парни ему очень нравятся. У меня они тоже сразу вызвали симпатию, интуитивно чувствовалось, что им можно доверять.

Скажу им как есть, пусть смеются — это лучше, чем врать с первой минуты знакомства.

— Парни, я не могу курить, в смысле не хочу брать папиросу в рот, у меня свои заморочки на этот счёт. И вообще, траву я никогда не курил, даже не знаю, как отреагирует мой организм, если я составлю вам компанию.

Я намеренно говорил только о себе. Костя с одобрением посмотрел на меня.

Рыжий неожиданно пришёл на помощь, сразу меня успокоив:

— Ты тут не один со странностями. Я, например, принципиально не беру в рот сигарету, поэтому и попросил Альберта взорвать. Курю только паровозами, сейчас увидишь. — В его голосе не было и тени удивления или насмешки.

— Да, Юра у нас с причудами: боксёры — они все такие. Ты, Димон, случайно боксом не занимаешься? — улыбаясь, обратился ко мне Альберт.

— Занимаюсь, только я Юру никогда не видел у нас в зале.

— Вот вы и нашли друг друга. Это нормально, что вы не пересекались, он во Львове учится, в институте физической культуры. Ты уже на каком курсе, Рыжий?

— На четвёртом, надеюсь перейти на пятый, в этом году очень много пропустил, даже подумывал бросить к чёрту этот институт, но мать не простит. У меня, кстати, соревнования меньше чем через месяц, поэтому после этих выходных возвращаюсь к здоровому образу жизни. Надо готовиться! Хочу стать чемпионом Украины в своей весовой категории, дал себе два года на реализацию задачи, — тихо сказал Рыжий.

— Вы в одном институте учитесь? — вмешался в разговор Константин.

— Нет, Алик в Киеве учится. Вот я к нему и катаюсь периодически, к сожалению, не без вреда для учёбы, но с пользой для моего кармана.

— Рыжий, ты хотел сказать «учился»? Я, в отличие от тебя, забил на учёбу. Чуть-чуть не хватило сил закончить третий курс. Но я не жалею. Хотя большинство не в курсе — я для них по-прежнему примерный студент и будущий юрист, покоряю вершины науки. Пацаны, давайте уже отметим мой приезд в наше захолустье! Последний раз я был здесь месяцев шесть-семь назад. Только без иллюзий! Я вернулся не потому, что мне не давала покоя ностальгия по родным местам. — Он задумчиво покосился на проходящую девушку с коляской. — Если бы не мать и придурок брат, думаю, я бы спокойно ещё лет двадцать — тридцать сюда не приезжал. Короче, Димон, тебе, как человеку, делающему первые шаги в этом направлении, я не рекомендую больше двух паровозов. Это серьёзная дрянь!

— Коля Нюня угостил. Этот барыга, когда мы в городе, всегда подгоняет нам лучшее, что у него есть. Он почему-то побаивается нас. — Рыжий лукаво улыбнулся, глядя на своего друга.

Альберт задул первый паровоз Юре, потом мне, после чего передал косяк Константину. Я всё в точности повторил за Рыжим, правда, мне не удалось долго удержать дым в лёгких, я сильно закашлялся.

Глава 10

Мы сидели на скамейке и болтали с парнями — несмотря на разницу в возрасте, они обращались с нами как с равными. Что-то мне подсказывало, что мы им напоминали их самих — до того, как они покинули родительские гнёзда.

Альберт приобнял меня. Чувствовалась безудержная искренность в этом жесте, лицо его казалось добрым. Он улыбался.

— Рыжий, глянь на Димона! Его, по-моему, жёстко убило, а вот Костян пытается контролировать своё сознание, наверняка боится выглядеть глупо. Какие же у них серьёзные лица!

Костя сейчас и правда смахивал на античного философа.

Мне на мгновение показалось, что я сошёл с ума, внутри всё похолодело, а затем вдруг стало сложно сдерживать смех от творящегося в моей голове безумия.

Ребята расхохотались, и через несколько секунд мы уже все вместе заливались громким смехом. Просто смотрели друг на друга и угорали, от боли держась за животы.

Проходящие мимо люди оборачивались, с опаской поглядывая на нас, но нам не было до них никакого дела. Состояние, в котором мы находились, отрезало нас от происходящего вокруг, с головой погрузив в иррациональный мир собственных ощущений.

— Пацаны, вам уже исполнилось восемнадцать? — Голос Альберта звучал будто из мегафона, сузившиеся глаза воспалённо блестели.

— Да, исполнилось, я чуть постарше Димона.

— Парни, после восемнадцати вы не имеете права на ошибку! Когда вы совершеннолетние, никаких поблажек не ждите. Вы ведь знаете, какие у нас сроки в стране? Один промах — и жизнь изуродована системой! Поэтому заранее просчитывайте каждый свой шаг. — Альберт стоял и напряжённо смотрел на Константина; казалось, он забыл о моём присутствии. — Избегайте всех этих сельских гангстеров. Держитесь друг друга. Никому не доверяйте в этой трясине. Рыжий, дай, пожалуйста, пацанам с собой папиросу, мы в понедельник всё равно разъезжаемся. Хорошая погода! — будто опомнившись, Алик кардинально сменил тему.

Мне было грустно расставаться с ребятами, особенно не хотелось почему-то попрощаться с Альбертом. Несмотря на его эксцентричное поведение, чувствовалось, что мы ему понравились.

Время тянулось медленно и одновременно летело с какой-то безумной скоростью. По моим ощущениям, этот долгий, пропитанный яркими эмоциями день, проведённый с новыми знакомыми, близился к вечеру. Скоро придётся вернуться домой и остаться наедине с самим собой. Мысль о предстоящем эмоциональном контрасте начала меня тяготить. И каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что ещё нет и трёх часов дня. Самое захватывающее было в том, что Константин переживал идентичные ощущения.

Не сговариваясь, мы восторженно смотрели по сторонам, радуясь как дети тому, что у нас ещё масса времени до того, как вечер вступит в свои права и отдаст этот потрясающий день на растерзание всепоглощающей ночи. Мы пересекли центральную площадь и пошли по главной аллее, которую неизвестно почему все в городе называли «Бродвей» или сокращённо «Брод». Бродвей сегодня был просто великолепен, не хватало только неоновых огней и небоскрёбов с туристами, но мы не растерялись и нашли эти огни в двух длинных рядах цветущих каштанов, расположившихся по обе стороны тротуара вдоль пятиэтажных домов, а туристический гул различили в щебете птиц, на который раньше почему-то не обращали никакого внимания. Провинциальный мир заиграл яркими красками, превратившись из буднично-серого в яркий, цветной. Со спокойного шага мы незаметно для себя перешли на трусцу. Наши тела практически подпрыгивали от распирающего хорошего настроения. Грезилось, что мы торопимся в

кинотеатр или на долгожданный концерт любимой рок-группы. Эта мысль вызывала во мне искренний восторг.

Константин внезапно остановился и задумался, оставив идиотский смех и глуповатое выражение лица.

— Ты есть не хочешь?

Этот простой вопрос спровоцировал во мне безумный голод, захотелось вдруг пожаловаться на жизнь, сказать, что у меня уже несколько дней во рту маковой росинки не было, но вместо этого я лишь коротко ответил:

— Да, очень!

— У меня идея. Пойдём к Дипсону.

Дипсон был дальним родственником Константина и нашим товарищем. Несмотря на светловолосых высоких родителей и старшую сестру — красивую голубоглазую блондинку ростом метр девяносто два, — сам он был низкорослым и выглядел как настоящий индус. О таких людях, как Дипсон, обычно говорят: за словом в карман не полезет. Он и не лез. Не помню случая, чтобы он кому-то проиграл словесную дуэль. Помимо этого, он с большой теплотой относился к Косте, был открыт для экспериментов с алкоголем и наркотиками, обладал вспыльчивым, но отходчивым характером и нокаутирующим чувством юмора.

В подъезде пахло сыростью, периодически жужжа, мигала тусклая лампочка. Звонок не работал, поэтому я сильно постучал в дверь, обитую чёрным дерматином. Нам буквально сразу ответил низкий хриплый голос, затем дверь медленно открылась.

Из полумрака коридора на меня уставилась пара чёрных блестящих глаз, так что мне стало не по себе. Через секунду тёмно-синие, практически чёрные губы нашего товарища растянулись в улыбке.

— Вы ебанулись?! — вместо приветствия отчеканил прокуренным голосом Дипсон. — Зачем так в дверь ломиться, я думал мусора! Заходите.

— Здорово, Аль Капоне! Какие там ещё мусора?! Мы от голода умираем! Нас надо спасать!

— У нас вчера движуха во дворе была, потом расскажу. Вы глаза свои видели?! Полная жесь! Особенно у Димона! Хорошо дома никого нет, так бы мать вас сразу спалила.

От этих слов меня накрыла волна страха, во рту пересохло, сложно стало разговаривать.

Я ещё никогда в жизни не получал такого удовольствия от еды. Мы, как безумные, хватая всё подряд, в считанные минуты опустошили весь холодильник. Кульминацией гастрономического оргазма было абрикосовое варенье, любезно принесённое нашим товарищем из подвала.

После того как мы до отказа набили свои желудки, Дипсон со знанием дела усадил нас в тёмно-бордовые кресла напротив двух огромных колонок, стоящих на полу.

— Парни, даю слово, что сейчас вам будет очень хорошо. Готовы?!

Из динамиков полилась приятная мелодия — это была песня «Under the Bridge» группы Red Hot Chili Peppers. Поток удивительных звуков плавно усиливался с каждой секундой.

Я не успел опомниться, как композиция ураганным порывом набросилась на моё тело. Родившееся в моей груди сияние невидимым лучом вышло наружу и отправилось куда-то в космос.

Ногти впились в подлокотники, я не шевелился, боясь испугать волшебство, которое я чувствовал в этот момент. К концу песни удовольствие достигло апогея, и, не в состоянии больше сдерживать безумные эмоции внутри себя, я не устоял и что было силы закричал, но музыка звучала настолько громко, что на мой крик никто не обратил внимания.

Внутри меня всё переворачивалось, хотелось петь и плакать одновременно. Переполюнявшие меня чувства провоцировали подняться, сжать кулаки и ещё раз громко закричать. Тело, словно одеревенев, отказывалось подчиниться, оно контролировало мои движения, не поз-

воляя больше совершать безумные выходки. Неимоверным усилием я всё же смог медленно повернуть голову в сторону Константина.

Закрыв глаза, он подпевал.

Глава 11

Журчание воды преображало незамысловатый квадратный дизайн фонтана, который практически заново построили в самом центре парка. Его наподобие обелиска быстро облицевали снаружи кусками гранита тёмно-коричневого цвета. Внутри на скорую руку установили странную металлическую конструкцию, напоминающую не то огромную подкову, не то ржавую радугу, на которую повесили пару подержанных промышленных прожекторов. Наверняка всё это сняли с закрывшегося завода. В какой-то момент возле фонтана появились два киоска — они теперь росли как грибы после дождя по всему городу. Торговали там в основном спиртным, сигаретами и сладостями, так что жизнь на этом пятачке кипела практически круглосуточно, так как одна из палаток работала и по ночам.

Я уже больше часа стоял тут и болтал ни о чём со своим другом детства. Последнее время мы случайно пересекались в разных местах, но всё чаще — в «Атари».

Вокруг нас суетились люди, бурно обсуждали, что купить, громко смеялись, что-то ели и пили. Почувствовав усталость в ногах, я сел на гранитный парапет. Безжизненный холод стал медленно проникать в моё тело.

Рядом стоял мальчик лет пяти-шести в ярко-красных штанах с засохшей грязью на коленях. В его замороженных глазах отражались тонкие струйки воды, бившие по периметру из металлической трубы, покрашенной на скорую руку в зелёный цвет.

Я не удержался, нагнулся и прикоснулся к прозрачной воде. Мальчик, улыбаясь, с одобрением посмотрел на меня.

— Скажи честно, ты видишь разницу? — Юра вытянул для сравнения две руки.

— Как бы ты ни занимался, не думаю, что смогу заметить разницу, если ты будешь демонстрировать мне свою руку при каждой встрече. Терпения, старичок!

Юрий в последнее время всерьёз увлёкся борьбой.

— Я со следующей недели добавляю ещё одну тренировку с конкретным акцентом на правую руку. Буду теперь работать четыре раза в неделю. Тренер сказал, что у меня есть даже шанс поехать на областные соревнования.

Незаметно подошёл Константин, ребята обнялись.

— Ты ещё больше стал — всё ещё растёшь, что ли?

Мы молча смотрели вслед уходящему Юрцу. Он, широко шагая по привычке, сжимал правую руку в кулак, слегка прижимая её к груди. Наконец его высокая фигура затерялась среди прохожих. Никто из нас не нарушал молчание, каждый думал о своём.

— Завидую тебе, Дим.

Я встал от удивления — в чём это мне можно завидовать?

— Ладно смеяться тебе.

— Может, это и странно, но я тебе и правда иногда завидую. — Он тяжело вздохнул, посмотрел куда-то в сторону. — Тебе повезло с фамилией, мне бы очень хотелось иметь фамилию как у тебя, ну или похожую.

Его лицо вдруг стало каким-то маленьким и печальным. Красноречивее любых слов оно выражало тоску и усталость. Мне ещё не доводилось видеть Костю таким. Было сложно понять, куда он клонит.

— У тебя очень классная фамилия. Ведь она, в отличие от моей, абсолютно ничего не значит, а является просто сочетанием приятных на слух звуков, букв. Мне последнее время приходят странные мысли. — Он опустил глаза, по всей видимости сомневаясь, стоит ли делиться со мной своими суждениями. — Мне кажется, когда человек рождается с родовым именем, которое ничего не обозначает, он является в какой-то степени хозяином своей судьбы. Такие люди, несмотря на разные, подчас неблагоприятные или, наоборот, привилегированные соци-

альные условия, сами строят свою жизнь — сами выбирают её архитектурный стиль. Со мной же всё обстоит иначе. Ты только не думай, что я фаталист. — Он попытался улыбнуться. — Сколько себя помню, борюсь со всякими суевериями. Но бывают моменты, как, например, сегодня, когда мне кажется, что, что бы я ни делал, от своей фамилии, вернее, судьбы мне не уйти. У меня своя дорога, по которой мне суждено идти одному.

— Кость, я, если честно, ненавижу свою фамилию, а вот твоя, наоборот, мне очень нравится. И вообще, не понимаю, куда ты клонишь и откуда взялось твоё минорное настроение?

— Ты, наверное, не задумывался, что означает моя фамилия? — Он скрутился пополам, прижав руки к груди. Выглядело так, будто у него свело живот. — Я — Константин Сирота. Ты просто задумайся — Сирота. Примерно так я себя и ощущаю, как сирота. Отца своего не знаю, с мамой провожу примерно столько времени, сколько обычно ребёнок проводит с бабушкой, которая живёт в другом городе. С детства меня не покидало чувство, что никому нет до меня дела. Дед как-то объяснил значение нашей фамилии, в то время я был совсем ещё ребёнком. Мне будто диагностировали неизлечимый недуг. Я наконец обнаружил корень беспричинной меланхолии, ведь я с ранних лет мог, как старичок, грустить, сидя на скамейке у дома. Каждый раз, когда я слышу, как люди произносят «Сирота», кажется, что это вселенная напоминает мне о моей участи. Что бы я ни делал, за кого бы я ни прятался, я — Сирота. Я один. Ничего не изменить. Я бы с удовольствием поменялся с кем-то фамилией, но, к сожалению, так не работает.

Он пытался улыбнуться, но от этого его лицо стало ещё более грустным. Я стоял, не понимая, как мне реагировать на его откровение. Он больше ничего не сказал, сидел и просто молчал, не обращая на меня никакого внимания, будто меня здесь не было.

Глава 12

— Ты сможешь до завтрашнего вечера посмотреть? — наконец нарушив тишину, он протянул мне видеокассету. В его движении больше не было вялости.

Обрадовавшись, что Константин наконец заговорил со мной, я не задумываясь ответил:

— Да.

— Я вообще-то, как всегда, выбирал боевик для Шефа и наткнулся на эту новинку под красноречивым названием «Bullet». Даже не сомневался, что обрадую отчима очередным «шедевром». Заранее приготовился дотянуть хотя бы до половины фильма. Мы ведь не так часто встречаемся. Шеф, услышав название, возбудился, но уже минут через пятнадцать нервно бросил: «Название хорошее, а смотреть нечего!» — и, не пожелав мне спокойной ночи, отправился спать. Я же до сих пор под впечатлением от этой картины, поэтому у меня немного странное настроение.

— Ты мне так весь фильм сейчас расскажешь, можно будет и не смотреть.

— Я лишь скажу: мне кажется, что главный герой, как и 2Рас, был рождён «сиротой» — как и я.

— Костян, откуда здесь ещё и 2Рас взялся? Сегодня я тебя с трудом понимаю.

— Молчу. Пойдём в прокат, надо предупредить, что кассету я оставляю ещё на один день.

— Он оживился и улыбнулся. — Я вчера с Ломом разговаривал, — так Константин называл своего дядю. — У него новый проект по выкачиванию денег из населения. Он откроет ночной клуб в кинотеатре «Стрела». Назовут его «Чаплин».

— Странное название.

В нашем направлении, оглядываясь по сторонам, шёл мой бывший одноклассник Коля Потоцкий. Как только он нас приметил, тут же развёл длинные руки в стороны, его крупные губы расплылись в улыбке. Взъерошенные тёмно-русые волосы, большой нос с крупными ноздрями, озорной взгляд — всё это придавало ему вид какой-то бесшабашный, даже хулиганский, и одновременно очень дружелюбный.

Я, вскинув правую руку, невольно улыбнулся ему в ответ. С Колей мы вместе занимались боксом, правда, на тренировки он приходил редко. В основном когда была плохая погода — шёл сильный дождь или просто было очень холодно.

Его отец, невзирая на нежелание сына, обязал его заниматься боксом. Отцовский авторитет был велик не только в семье, но и в городе, поэтому вместо того, чтобы спорить, Коля трижды в неделю забрасывал на плечо спортивную сумку и отправлялся якобы на тренировку. Наверное, нашёл занятие гораздо более интересное, чем колотить по мешку в душном зале.

— Я вас повсюду ищу, в «Атари» уже два раза заходил! У меня к вам дело!

— Наконец-то, Колёк, у тебя к нам дело! Чувствую, не меньше чем на пару сотен тысяч.

— Будет — не всё сразу! А пока я вас приглашаю к себе на день рождения. Праздновать будем в субботу, в тринадцать ноль-ноль, у нас в ресторане. Не я инициатор этого празднования. — Он громко вздохнул. — Батя сказал, чтобы вы обязательно были. Без подарков. Ему очень хочется, чтобы мы дружили, он в молодости немало времени с отцом Димона провёл. Не знаю, что их там связывало, но он постоянно повторяет, что у такого человека, как твой батяня, не может быть плохого сына. Мы даже встречались с ним, когда в Москву ездили в прошлом году. Я тебе не стал сыпать соль на рану, семейные дела — понимаю. — Коля с облегчением выдохнул, заметно повеселев.

Глава 13

Рука тянулась открыть входную дверь, когда зазвонил телефон. Пришлось снять обувь и поспешить на кухню.

— Алло, — не справившись с раздражением, я практически прокричал в трубку.

— Привет! Ты чего злой такой?

— Константин?! Не ожидал, что это ты.

— Что собираешься делать?

— Юрца думал найти, давно не видел его.

— Вместе можем его потом поискать, а сейчас зайди, пожалуйста, ко мне. Я у матери один дома. Надо с тобой поговорить.

Всякий раз, когда я бывал в гостях у Кости, меня посещало одно и то же ощущение. Почему-то казалось, что мать моего друга даже наедине с собой не может расслабиться. Она словно стеснялась собственного присутствия. В её квартире всегда царила какая-то мёртвая, глянцево-музейная атмосфера. Обстановка выглядела красиво, но удручающе неуютно. Но всё менялось с приходом сына. Он растапливал весь этот музейный лёд своей непосредственностью, сеял повсюду лёгкий хаос, хоть на время наполняя обитель настоящей жизнью.

— Есть будешь?

— Спасибо, я не голоден, — чуть нагнувшись, чтобы снять обувь, соврал я.

Константин дождался, пока я выпрямлюсь, посмотрел мне в глаза, заулыбался и предложил помыть руки и пройти на кухню.

— Смотри, Шеф вчера икры закупил. — Он открыл холодильник и показал три большие металлические банки чёрной икры. — Это ещё не всё, в морозильнике тоже есть.

Яркое солнце светило через безупречно чистое окно прямо мне в лицо. На помощь подошло белое облако — оно тотчас закрыло светило, избавив меня от надобности пересаживаться.

— Ты куда столько хлеба нарезаешь?

— Во-первых, я не обедал, ждал тебя. Во-вторых, жизнь не часто балует нас икрой. Отказываться нельзя. Но то, что люди называют совестью, почему-то не позволяет мне, в отличие от Шефа, сидеть и в одиночестве ложками поглощать этот деликатес. А вот с тобой другое дело. В-третьих, считаю своим долгом помогать Шефу тратить заработанные им на всяких там серых схемах деньги. Скажу по секрету, он с трудом справляется с задачей. Ну и, наконец, в-четвёртых, пока ты шёл ко мне, я успел сгонять в магазин за свежим хлебом и сливочным маслом. И всё это для тебя, представляешь? Парадокс — икры дофига, а масла у них нет. Зато чай хороший здесь есть. Так что сейчас кайфанём! — Отложив в сторону нож, он, слегка зажмурив глаза, потёр руки. — Пока я готовлю, поставь, пожалуйста, чайник.

В этот день я вдоволь наелся чёрной икры, вернее, меня ею накормил мой друг. Мне было неловко признаться, что до этого я её не то что не пробовал, но и никогда не видел.

Приятный аромат чёрного цейлонского чая с лимоном заполнил кухню. Хорошо было немного побыть в тишине.

— Мне столько всего надо тебе рассказать — даже не знаю, с чего начать. — Костя встал, подошёл к окну, повернувшись ко мне спиной, чуть постоял так, затем вернулся за стол. — Я твёрдо решил уехать из нашей глуши.

— А как же я? Или ты решил один уехать?

— Я этого не говорил. Поэтому не кипятись. Я не хочу уезжать без тебя; надеюсь, мы попытаем счастье вместе. Ты прекрасно знаешь, что я давно мечтаю жить в большом городе. Хочу поступить в приличный вуз, но не хочу ходить на учёбу как на каторгу. Хороший компромисс — заочная форма обучения. Мы могли бы параллельно заниматься делом. Таким я вижу

своё будущее, по крайней мере на ближайшие лет семь-восемь, а там посмотрим. Дим, я не смогу жить в ладах с самим собой, если мы хотя бы не попытаемся вырваться из этого болота.

Эти слова согрели мою грудь, терзавшие меня сомнения ослабли. Мне иногда казалось, что Константин может внезапно покинуть город и даже не попрощаться со мной. Эта мысль стала более навязчивой после того, как в прошлом году он провёл практически месяц у своей тётки в Санкт-Петербурге.

— Только вот денег у нас нет на переезд. Крохи, которые мы делаем время от времени, вряд ли нам помогут. Ведь ты не в посёлок городского типа собрался переезжать.

— Верно говоришь. Я сейчас поделюсь с тобой соображениями, где, мне кажется, нам надо попытать своё счастье.

Мне всё сложнее становилось усидеть на одном месте.

— Ты знаешь, что мне очень нравится Санкт-Петербург, плюс там Таня, она хоть и мамина родная сестра, но общего у них нет ничего. Она мне как друг. Ты скоро в этом убедишься. Она обещала приехать летом в гости. Бабуля её очень ждёт. В Питер она сбежала, когда ей не было и семнадцати. Ещё есть Киев, у нас там кое-какие знакомые, например Альберт и ещё пара человек. Но скажу тебе честно, я этот вариант готов рассмотреть, только если ты скажешь, что мечтаешь там жить, а так меня почему-то туда не тянет.

— Я так не скажу.

Оставив без внимания мою реплику, он продолжил:

— И, конечно, самый крутой город на всём постсоветском пространстве — Москва. У нас там тоже есть свои люди, вернее, человек, я имею в виду твоего отца.

Я внутренне сжался, почувствовав, как краснеет моё лицо.

— Даже если вы не захотите общаться друг с другом, чего я не исключаю, психологически важно, по крайней мере на первых порах, знать, что у нас есть хоть какие-то родственники в этом мегаполисе. Да и вообще, мне кажется, наступил момент, когда тебе пора, при всём уважении к твоей матери, сформировать собственное мнение о своём родителе... Я, например, для себя решил: до того, как уеду отсюда, обязательно встречусь со своим папенькой.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, но сейчас не об этом. Несмотря на тётю в Санкт-Петербурге, меня однозначно больше привлекает первопрестольная. Я без каких-либо колебаний отдаю свой голос в пользу Москвы. — Он поднял руку вверх. — Теперь, когда ты знаешь моё мнение, слово за тобой.

— У меня, как и у тебя, никого там нет, а так называемого отца я ни разу в жизни не видел, во всяком случае не помню. Да и он меня наверняка забыл. Нет у меня никакого желания с ним встречаться!

Константин молчал.

— Тут скорее дело в другом: кто в детстве не мечтал жить в Москве? Как там... «А из нашего окна площадь Красная видна!» Я, как ни странно, и сейчас помню охватившее меня безумное чувство, когда я впервые очутился в столице. Мне было лет девять-десять. Веришь или нет, но мне тогда показалось, что здесь мой настоящий дом и лишь по какой-то глупой случайности я живу вдали отсюда. На эмоциях я поделился своими мыслями с мамой и её тогдашним спутником. Этот... мужчина громко расхохотался и потом ещё долго называл меня москвичом. — Пытаясь заглушить неприятные воспоминания, я на секунду замолчал. — Я, как и ты, хочу в Москву.

Внутри всё переворачивалось от волнения. Я ощущал себя героем приключенческого романа. Казалось, что мы затеваем какую-то безумную экспедицию длиной в жизнь. Было приятно оттого, что наши желания совпадают и нам не приходится спорить. Всё, что я слышал от своего друга, находило отклик в моём сердце. Эйфория длилась недолго. Мысль о том, на какие средства мы будем осуществлять совместную мечту, быстро вернула меня на землю.

— Я даже представить боюсь, сколько это всё стоит: питание, жильё, я уж молчу про учёбу. Где мы возьмём деньги? Ведь пока адаптируемся и начнём что-то зарабатывать, кто знает, сколько пройдёт времени.

— Вот мы и подошли к главной теме нашего разговора — деньги.

Глава 14

Он подмигнул, неумело изобразив уверенность:

— Мне кажется, у нас намечается серьёзное дело.

— Я давно чувствовал, что ты что-то затеваешь.

— Ты прав. Скажу честно: я очень хотел поделиться с тобой, но не имел на это права. Мы с Борисом договорились, что никто не должен знать о нашем общении, уж тем более о наших планах. Вот поэтому я себя и вёл временами странно. Признаюсь, иногда даже избегал встречи с тобой. Ведь врать было непросто. Не обижайся.

— Подожди, с каким Борисом?

— С каким, с каким — с племянником начальника милиции, конечно.

— С Борькой?!

— Да, представь себе. Боря — это и есть наша тема, вернее, его дядя Мусор.

— Ты серьёзно? Он ведь болван!

— Да, раньше я тоже так думал. Но когда мы стали тесно общаться, я кардинально изменил своё мнение.

Мои ладони стали влажными от пота. Потом пришла мысль, что это розыгрыш. Но серьёзный взгляд друга сказал, что ему не до шуток.

— Я уже давно ломаю голову над этим делом. Бывали моменты, когда мне очень хотелось поделиться с тобой. Но я понимал, что ещё не время. Сейчас постараюсь обо всём по порядку рассказать.

Моё замешательство быстро уступило простому умозаключению: если Константин решил всё держать в секрете, значит, так было лучше для нас.

— Во-первых, наш приятель не так глуп, как ты думаешь. Бориска, как оказалось, очень смыслённый, честолюбивый парень. Он боится и одновременно презирует своего дядю, обожает деньги. Мама Бориса приходится милиционеру родной сестрой; чем богаче становится её брат, тем тревожнее «бедной» женщине. Боря говорит, она последнее время мало спит, по ночам бродит по дому, страхи и мигрень не дают ей покоя.

— Удивляюсь, как эта семья вообще может спать.

— Постарайся не перебивать. — В голосе Константина прозвучало заметное раздражение. — Она всерьёз опасается за жизнь начальника милиции и членов его семьи. Возможно, поэтому убедила мента в том, что племянник должен уехать учиться за границу. Ну или у них просто уже столько денег, что они отправляют Бориса готовить для своих родных райский уголок для беззаботной, а главное, безопасной жизни. Сам он этого не говорил: либо не хочет открывать все карты, либо не в курсе планов родственников. Но не удивлюсь, если через пару лет вся эта семейка во главе с начальником милиции к нему присоединится. Перед этим, конечно, этой суке обязательно торжественно вручат за борьбу с организованной преступностью какую-нибудь награду или грамоту, не знаю, что им там дают. Так что пока дядя ждёт свой орден за заслуги перед Отечеством, Борис вроде как в конце августа — начале сентября, точную дату он пока не сказал, отправляется за океан, в Соединённые Штаты Америки — получать образование, ну или готовить запасной аэродром. Мама летит с ним: хочет повидаться с родной сестрой и заодно помочь обустроиться ребёнку.

— У него тётка в Штатах?

— Да, она уже давно живёт в Майами, работает физиотерапевтом, у неё собственный кабинет. К чёрту их семейные дела. — Он махнул рукой. — Дим, тут о другом речь: у этого мусора столько денег, что, даже если мы выкурим хороший косяк, нам будет сложно представить уровень его состояния. Оказывается, кроме всего прочего, у него ещё и какие-то дела с таможней. Не забывай, мы живём практически у польской границы. Он оттуда, по словам

Бори, получает какие-то космические деньги. И я охотно верю. Короче, помимо города, под лапой этого мусора ещё и граница.

— Ты веришь Борису?!

— Ты только послушай. — Константин понизил голос, перейдя практически на шёпот: — Он недели две назад забежал по какому-то поручению к дяде домой и, улучив момент, приоткрыл стоящую в спальне картонную коробку из-под телевизора — она наполовину набита пачками долларов, в основном банкнотами по пятьдесят и сто. Наш товарищ утверждает, что в квартире всегда есть деньги. Временами их очень много! — Костя замолчал, словно сомневаясь, стоит ли ему продолжать рассказ. — Вообще, я много интересного узнал об этом персонаже. У начальника милиции дома полно видеокассет с детской порнографией — это его тайное увлечение. Дело не ограничивается только просмотром видео. У него в гостях бывают дети — в основном мальчики. Наверное, поэтому он живёт один. Родным и коллегам при каждом удобном случае жалуется на свою непростую судьбу: мол, его работа и семья — вещи несовместимые.

Костя смотрел на меня, ожидая реакции.

— Короче, Димон, у меня есть ключ от квартиры этого педофила.

Глава 15

Он слегка потряс меня за плечи:

— Это наш шанс!

— Тебе этот ключ Боря дал?

— Ну не начальник же милиции!

— Я только понять не могу, зачем Боре всё это надо?! Он что, сумасшедший?

— Деньги и месть. Он хочет половину от того, что я возьму в квартире.

— Пятьдесят процентов — это очень много! И что ещё за месть?

— Мне кажется, за такую работу можно и семьдесят пять отдать. Нам, по сути, и делать-то ничего не надо — открыть дверь и забрать деньги. Что касается мести... пообещай, что то, что ты сейчас услышишь, навсегда останется между нами.

Я закивал в знак согласия.

— Не стану пересказывать всё, чем делился со мной Борис, просто не имею такого права, да и не надо оно тебе. Скажу лишь одно: в детстве дядя периодически насиловал своего племянника. Да, ты не ослышался. Всё это продолжалось, пока Боре не исполнилось тринадцать.

У меня резко пересохло во рту, стало жутко тоскливо и почему-то стыдно. Я не знал, что сказать, как отреагировать на эти слова, а между тем Константин продолжал:

— Безусловно, невозможно примерить на себя его жизнь, и всё-таки не исключая, что на месте нашего товарища я поступил бы ещё изощрённее. Надеюсь, что это только начало расплаты. Давай больше никогда не вспоминать об этом. Забудь. Нам надо обсудить условия, которые мне поставили. — Константин чуть заметно улыбнулся.

У меня не получилось выдать из себя какого-нибудь хлёсткого оскорбления в адрес служителя закона. Любые слова в тот момент казались либо банальными, либо недостаточно сильными. Либо просто неискренними. Поэтому я решил вообще не комментировать эту трагическую историю и испытал облегчение, услышав, что должен забыть о том, что услышал.

— У Бориса есть несколько требований, которые обязательно должны быть выполнены, в противном случае об этой теме можно забыть. Итак, во-первых, как я уже сказал, он настаивает на половине от того, что мы возьмём. Детали типа того, как и с кем я осуществляю эту работу, его абсолютно не интересуют. Только всё это мы должны проверить после его отъезда в Штаты. Пока ориентировочно в сентябре, хотя обстоятельства могут и поменяться. Но это нам только на руку.

— А как же тогда он получит свою долю, если уедет?

— Его маме от родителей достался участок земли с домиком возле леса. Его часть, как ни безумно это звучит, мы должны будем то ли спрятать, то ли закопать на этом участке. Точное место он мне покажет. Чуть не забыл: Борис взял с меня слово, что никто ни при каких обстоятельствах не прикоснётся к содержимому оружейного сейфа в квартире. Даже если по какой-то злой случайности на месте не окажется денег, мы должны будем просто уйти, не оставив никаких следов проникновения, и ждать следующего шанса — я имею в виду возвращение наличных в дом. Уверен, что в этом железном ящике хранится какой-то компромат на хозяина, а может, и на самого Бориса. Поэтому он так печётся о сохранности сейфа. Может, видеозаписи дядиных утех... Возможно, даже с собственным племянником... Или это уже моя большая фантазия разыгралась — не знаю. Но почему-то мне кажется, что именно это там и лежит. Хотя, если честно, нас это и правда не касается. Потом не отмоемся.

Глава 16

Забегая вперёд, скажу, что мы провели много времени, дотошно обсуждая задуманное. Но в мою память отчётливо врезался именно тот день, когда Константин пригласил меня домой к своей матери. Тогда мы долго просидели на кухне, подробно обговаривая детали нашего плана, раз за разом возвращались к каким-то несущественным мелочам, ставя под сомнение буквально всё. Мысль о том, что самый невинный просчёт может навлечь большие проблемы на наши головы, вызывала тревогу. Но как только мы вспоминали о ждавшей нас новой жизни в большом городе, так феерично представлявшейся в воображении, страх моментально отступал.

Я уже давно обратил внимание, что наедине мы старались не засорять свою речь блатным жаргоном, которым сыпала половина жителей нашего города. Признаться, вся эта возносимая на каждом углу блатная романтика нам была абсолютно чужда, а после того как «мы удостоились чести» познакомиться с несколькими «серьёзными авторитетами», стало ещё сложнее ассоциировать себя с представителями криминального мира. Разумеется, нам ничего не оставалось, как ломать комедию и скрывать своё истинное отношение к этому повальному увлечению. Выходя на улицы нашего города, мы надевали маску — адаптировали свою речь и поведение под суровую реальность. А после того как со мной произошла одна неприятная история, маску мы позволяли себе сбрасывать только в кругу наших близких.

Случилось это в один из тех тёплых вечеров, когда абсолютно не хочется возвращаться домой. Вот мы и решили присоединиться к стоявшей у фонтана в центре парка большой и шумной компании ребят, в основном едва знакомых.

Из киоска, несмотря на поздний час, громко кричала любимая всеми песня — «Мой номер — 245». После третьего подряд проигрыша этого народного хита я не выдержал и с явным раздражением в голосе наивно озвучил свои мысли: не попросить ли их сделать потише или вообще выключить этот шлягер. Парень по прозвищу Манекен — он иногда заходил в «Атари» — удивлённо посмотрел на меня:

— Тебе что, песня не нравится?

Я не задумываясь ответил, что шансон — не совсем моя тема.

Манекен тут же отреагировал на мои слова, подойдя ко мне вплотную:

— Все нормальные пацаны слушают шансон, значит, ты для меня не пацан, а чёрт знает кто!

Он даже не пытался скрывать воинственный настрой, демонстративно сжав кулаки. Одолеть в честном поединке неожиданно разгневавшегося Манекена шансов у меня практически не было. Защитник блатной романтики неплохо боксировал и был на добрую голову выше меня. Нужно было спасать своё лицо в глазах товарищей, замерших в ожидании моей реакции.

Ничего не оставалось, как врезать ему первым, а там будь что будет. Мой оппонент ехидно улыбался, поглядывая на собравшихся вокруг ребят.

— Ты не пацан, ты никто! — Он явно получал удовольствие от моего публичного унижения.

От волнения моя рука словно налилась свинцом и пусть неуверенно, но всё же начала свой путь вверх. Но моему кулаку не суждено было достичь цели. Его неожиданно опередил Юрец. Друг детства по какой-то счастливой для меня случайности оказался в этот вечер среди этой компании. Со словами «А мне вообще Offspring нравится» он одним ударом сломал Манекену нос, таким вот радикальным путём разрешив наш диспут о музыкальных пристрастиях.

Глава 17

Приостановив бурный взаимообмен теоретических познаний на тему, как совершить идеальное преступление, Константин жестом предложил покинуть кухню и пройти в гостиную, сказав, что я должен кое-что послушать и поделиться своим мнением.

— Ты уверен, что я могу честно говорить? Я как раз сидел и вспоминал случай в парке. Кто знает, вдруг тебе тоже не понравится моя реакция. Здесь ведь нет Юрца, кто за меня постоит?

Костя отреагировал сдержанной улыбкой на мою шутку. Было видно по его лицу, что он находится в предвкушении чего-то приятного. Глаза заблестели, как только в его руках оказалась прозрачная аудиокассета BASF.

— Тебе предстоит прослушать хит русского шансона! Песня называется «Таганка», и дослушать ты должен до конца. Погнали!

Но вместо шансона зазвучал гранж.

Я не стал комментировать, какое впечатление произвела на меня эта композиция, мне казалось, что Константин ещё до того, как поставить её, уже знал, что «Smells Like Teen Spirit» перевернёт моё сознание. Вместо того чтобы рассказывать, что ничего подобного я до сих пор не слышал и ни один музыкальный коллектив не вызывал во мне такой эмоциональный шквал, я попросил своего друга ещё раз включить песню.

Голос Курта оказался... contagious. Я и не думал сопротивляться заокеанским бактериям, с первых нот подхватил, как оказалось впоследствии, неизлечимое заболевание под названием Nirvana.

Пока я сидел, тупо уставившись в сервант, наполненный фарфоровой посудой, и утопал в своих мыслях, Константин незаметно вышел из комнаты. Вернулся он, к моему удивлению, держа в руке большие швейные ножницы с зелёными кольцами. Он заговорщически подмигнул мне, выключив проигрыватель.

— Что это? — удивлённо спросил я друга.

— Подожди, это ещё не всё. — Он медленно вытащил из заднего кармана джинсов небольшую горсть керамических осколков.

Я непонимающе уставился на кучку мусора.

— Сейчас всё объясню. С помощью таких вот ножниц открываются, вернее, вскрываются практически все отечественные автомобили и некоторые модели иномарок. Там, где ножницы не работают, можно бросить в окно машины осколок керамической свечи зажигания и практически бесшумно разбить стекло. Стекло, говорят, просто трескается, дальше вопрос техники. Кстати, не все производители делают правильные свечи — те, которые подходят для этого дела, найти непросто, так же как и подходящие ножницы тяжело раздобыть. Это Альберт подогнал, они когда-то машинами занимались. Нам обязательно надо вскрыть «Форд» Бориного дяди и вытащить оттуда магнитола. Там стоит дорогой аппарат и какая-то навороченная рация. Я за его машиной давно слежу, так что вся нужная информация у меня есть.

— Ты меня пугаешь! На фига нам автомагнитола, если у нас ключи от квартиры, где хранятся миллионы! Ты с Альбертом тоже поделился своими планами?

— Конечно нет! Он мне как-то сам предложил эти инструменты. Я, разумеется, не стал отказываться. Поблагодарил, сказал, что это не совсем наше направление, но лишними эти вещи для нас не будут. Да ты не горячись, Димон! В том-то и дело, что на кону огромные деньги, поэтому надо всё сделать грамотно. Не торопись ставить мне диагноз — невменяемый. Просто послушай мой план. Мне кажется, что операция по нападению на машину, хоть она и кажется на первый взгляд абсолютно бредовой, поможет нам в будущем с главным делом — отвести подозрение от Бориса, соответственно, и от нас. Подумай сам: жил себе не тужил дядя-

мент, все его боялись, обходили стороной, а тут, как только уедет племянник, кто-то возьмёт и подчистую вынесет всю наличность из его жилища. Можно, конечно, особо не заморачиваться, не выстраивать сложных схем, а, как только Борька окажется в Штатах, обчистить ментовскую квартиру и тут же укатить отсюда, — навсегда. А там хоть трава не расти. Но у нас ведь здесь остаются родные. Да и перспектива ходить и оборачиваться до конца жизни, ну или по крайней мере пока жив мент, меня не особо прельщает.

Костя замолчал на несколько секунд, стёр тыльной стороной ладони выступившую на лбу испарину и тут же продолжил:

— Примитивная кража автомагнитолы должна создать впечатление, что уровень преступности в городе настолько велик, что даже человек такого полёта может стать жертвой случайного преступления. Никто не застрахован, что называется. Главное — повернуть всё это до отъезда Бориса в Штаты. Дядя, после того как мы взломаем его «Форд Скорпио», обязательно должен увидеть в глазах племянника искреннее удивление, что кто-то осмелился позариться на имущество усатого полубожка. Уверен, наш товарищ ни за что не догадается, что это наших рук дело. Заодно посмотрим, как родственники поведут себя в этой ситуации — может, заметим что-то полезное. А говоря проще, можешь отнестись к этой авантюре с «Фордом» как к подготовительному этапу основного дела — квартирной кражи. Эту задумку надо держать в строжайшей тайне, если ты, конечно, не убедишь меня сейчас в её бесполезности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.